

Теория и практика демократии

Керимов А. Д.,

доктор юридических наук, профессор,
 профессор кафедры конституционного права юридического факультета
 им. М. М. Сперанского Российской академии народного хозяйства и государственной службы
 при Президенте Российской Федерации,
 член Общественного научно-методического консультативного совета при ЦИК России
 e-mail: 8017498@mail.ru

Аннотация. В настоящей работе автор вовсе не стремится идеализировать демократию, рассматривая ее исключительно сквозь призму присущих ей ценных качеств, достоинств и преимуществ. Напротив, он ставит перед собой цель вскрыть пороки и изъяны, имманентно и априори присущие демократическому способу формирования, организации и функционирования государственной власти и соответствующей идеологии. В заключительной части статьи намечаются некоторые возможные пути и формы преодоления выявленных недостатков.

Ключевые слова: демократия, либерализм, капитализм, свободный рынок, правящая элита, управление, идеология, аристократия, меритократия, интеллигенция.

В 1991 г. произошла глобальная геополитическая катастрофа, обернувшаяся настоящей трагедией для многих миллионов людей. Была разрушена великая империя — Союз Советских Социалистических Республик. Тогдашняя правящая элита России незамедлительно, решительно и полностью отвергла марксизм и частью по недомыслию, частью злонамеренно безоговорочно присягнула на верность либерализму¹, капитализму и свободному рынку, причем в их радикальном, порою абсурдно-уродливом выражении. «Неоконсервативная революция» конца 70–80-х годов прошлого столетия обеспечила перерождение капитализма в развитых странах Запада в непроизводительную, паразитическую, финансиализированную систему, стремительно перемещающую собственно производство на периферию, в государства третьего мира. Именно такой капитализм, т. е. капитализм, ориентированный на торговую прибыль, ренту, различного рода финансовые спекуляции и махинации, и насаждали в нашей стране (как мы сейчас видим, отнюдь не безуспешно) власть имущие 90-х и их американские покровители. С тех пор демократия, по преимуществу не вполне корректно рассматриваемая многими и у нас, и за рубежом исключительно в качестве неизбежного атрибута свободного рынка, стала превращаться и на сегодняшний день окончательно превратилась в «священную корову»².

В обыденном, массовом сознании и, что удивительно, в сознании научном демокра-

тия воспринимается в основном как безусловно и во всех отношениях позитивное явление. В странах Центральной и Восточной Европы начиная с 1989 г., когда в результате антикоммунистических революций за несколько месяцев были сметены существовавшие там просоветские режимы, стремительно зародился, паразитически быстро распространился и утвердился миф, согласно которому демократия способна, по сути, автоматически, как бы сама собою, без какой-либо творческой активности и напряженных волевых усилий произвести гигантские по глубине и масштабам позитивные изменения практически во всех сферах общественного бытия. «В воображении деятелей центрально-европейских революций 1989 г., — пишет известный болгарский политолог И. Крастев, — демократизация предполагала не столько представительство, сколько копирование западных институтов и политических практик. Беженцы из дивного нового мира коммунизма, центрально-европейские общества тосковали по скуке и предсказуемости. Но, несмотря на это стремление к нормальности, революции „конца истории“ 1989 г. радикально изменили природу общественных ожиданий от демократии. Уставшие от жизни в диалектическом мире, где все было своей противоположностью, посткоммунистические граждане создали мировоззрение, в котором все хорошие вещи сопутствуют друг другу и случаются одновременно. Демократия означала процветание, авторитаризм означал бедность. Демократия означала отсутствие конфликтов; авторитаризм означал постоянный конфликт»³. Такого рода воззрения, разумеется, есть предрассудки, никоим образом не соотно-

¹ Элита эта, будучи в массе своей плохо образованна, разумеется, не заметила, что названные учения, в сущности, удивительно схожи, ибо оба являются крайне экономикоцентричными.

² Заметим, однако, что рынок и демократия, несмотря на имеющуюся между ними определенную достаточно тесную связь, вовсе не обязательно непременно взаимосвязаны.

³ Крастев И. Управление недоверием. М.: Издательство «Европа», 2014. С. 60–61.

сящиеся с реальной действительностью. Тем не менее они имеют место быть и, более того, поразительным образом прочно укоренились в сознании многих, если не большинства.

Что касается Запада, то там демократия уже в течение довольно продолжительного периода времени представляет собой своего рода новую религию⁴, рьяные адепты которой с упорством, безапелляционностью и высокомерием абсолютно убежденных в своей правоте миссионеров, нередко насильственно, невзирая ни на какие, даже самые энергичные автохтонные противодействия, агрессивно навязывают ее основные постулаты всему остальному человечеству. Такое навязывание осуществляется в рамках официальной государственной политики. Наиболее яркий пример в данном случае — действия на международной арене Соединенных Штатов Америки и их союзников по НАТО. По мнению видного итальянского политического теоретика Д. Дзоло, правящие круги США зачастую используют термин *democracy* в качестве средства международной дискриминации так называемых государств-изгоев (*rogue states*)⁵.

Демократия по сравнению со всеми иными известными политическими режимами, конечно же, имеет немало достоинств и преимуществ. Однако она не вправе довлеть самой себе. При всей своей привлекательности она не может и не должна выступать в качестве самоцели. Напротив, ее следует рассматривать как средство, точнее, лишь как одно из средств для достижения целей более высокого порядка. Демократию надо оценивать по тому, насколько человечество с ее помощью преуспело «в производстве лучшего продукта, лучших творений искусства и науки, лучшего образца нравов»⁶. О ней надо судить по масштабу и значимости тех результатов, которых люди добились в осмыслении социального бытия, в создании более справедливых и гуманных обществ, в интеллектуальном и нравственном самосовершенствовании, развитии творческих индивидуальных способностей, в формировании более эффективных моделей управления и т. п. Рассматриваемая с этих по-

зиций демократия обнаруживает немало существенных недостатков.

Один из основоположников социологической юриспруденции, австрийский правовед Е. Эрлих начал свое, пожалуй, наиболее известное фундаментальное произведение «Основы социологии права» следующим оригинальным образом: «Часто утверждают, будто книга должна быть такой, что ее смысл можно было бы резюмировать в нескольких предложениях»⁷. Сделать это довольно трудно. И тем не менее, если мы, следуя его примеру, попытаемся резюмировать смысл настоящей работы в нескольких или даже одном предложении, то придем к следующему утверждению: демократия, понимаемая как определенный способ формирования, организации и функционирования государственной власти и как идеология, должна быть несколько ограничена. Изъяны и пороки, имманентно ей присущие и все явственнее проявляющие себя в современных обществах, могут и, безусловно, должны быть нивелированы путем решительного внедрения в политические системы развитых стран некоторых элементов, свойственных, условно говоря, аристократической форме власти⁸.

Мы, конечно же, предвидим серьезные возражения со стороны противников подобной позиции, которых, несомненно, найдется немало. В самом общем виде возражения эти могли бы быть наиболее удачным образом выражены всееляющими в душу оптимизм и надежду и потому замечательными словами русского юриста П. И. Новгородцева. «Странное самообольщение! — пишет он по поводу возможности возврата к старым политическим формам. — История не повторяется, и того, что пережито однажды, не вернуть никакими чарами реакционного знахарства»⁹. К сожалению, это далеко не всегда так. По опыту не только прошлых

⁷ Антология мировой правовой мысли: В 5 т. Т. III. Европа. Америка: XVII–XX вв. Национальный общественно-научный фонд. М.: Мысль, 1999. С. 623.

⁸ В своей весьма любопытной статье, озаглавленной «Поиск земного совершенства», отечественный историк В. Л. Махнач последовательно проводит мысль о том, что на протяжении всей человеческой истории различные державы добивались наибольших успехов в те периоды, когда в их государственных системах органично сочетались элементы монархии, аристократии и демократии. Таковую организацию государственной власти он называет полибиевой схемой (по имени древнегреческого мыслителя и историка Полибия). В. Махнач, в частности, пишет: «Полибиева схема — это тоже троевластие. Но это не принцип разделения властей — по замыслу, по описаниям Аристотеля и Полибия. Это принцип дополнения властей. Не стремление заставить одну власть контролировать другую, а стремление — по совершенно солидаристскому принципу — дополнить одну неполномочную и неправомочную власть другою, подкрепить одну власть другою». [Махнач В. Поиск земного совершенства // Независимая газета. 23.11.2000. С.8].

⁹ Новгородцев П. И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. М.: Наука, 1996. С. 18.

⁴ На этом, кстати, акцентируют внимание некоторые (если не сказать многие) западные ученые. Так, в своем выступлении на состоявшихся 17–18 мая 2012 г. в Санкт-Петербургском гуманитарном университете профсоюзов XII Международных Лихачевских чтениях канадский исследователь П. Дуткевич сравнил демократию с некой своеобразной западной религией, абсолютной ценностью, которую в «цивилизованных» странах не принято ставить под сомнение. (См.: Ставцева О. И. Диалог культур на фоне кризиса мультикультурализма // Философия и культура. 2012. № 9 (57). С. 176).

⁵ См.: Дзоло Д. Демократия и сложность: реалистический подход / Пер. с англ. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. С. 9.

⁶ Лэш К. Восстание элит и предательство демократии / Пер. с англ. М.: Логос, Прогресс, 2002. С. 70.

поколений, но даже и нынешнего мы знаем, что реакционные силы нередко одерживают верх. Но дело, однако, в другом. Мы, разумеется, все не призываем вернуться к устаревшим политическим порядкам и изжившим себя государственным структурам (что, надеемся, станет совершенно ясно из дальнейшего повествования). Именно поэтому мы специально оговариваемся, что употребляем термин «аристократия» условно, в его, так сказать, современной интерпретации. Под аристократией мы в данном случае подразумеваем не власть высшего сословия, являющегося таковым по рождению, а правление лучших¹⁰, завоевавших право так именоваться благодаря своим личным достоинствам и достижениям¹¹. В принципе в данном случае возможно употребление и другого термина, введенного в научный оборот английским социологом М. Янгом, — меритократия (от латинского *meritus* — достойный и греческого *kratos* — власть, буквально — власть наиболее достойных, одаренных, заслуженных или власть, основанная на заслугах). Но это понятие, заметим, гораздо менее распространено.

В связи с высказанной нами точкой зрения возникает как минимум два вопроса. В чем состоят недостатки демократии? И какие конкретно-практические меры следует осуществить, что именно предпринять для их преодоления?

Ответить на первый вопрос, казалось бы, сравнительно легко. Прежде всего в силу того обстоятельства, что изъяны демократии, особенно за истекшее столетие, проявились со всей очевидностью; да и о многих из них известно с незапамятных времен¹². Но вместе с тем именно это и осложняет нашу задачу, ибо четко и ясно изложить и объяснить общеизвестные факты за-

частую бывает достаточно трудно. Все же попробуем это сделать.

Демократия, вопреки обыденному представлению, не есть власть народа или власть большинства. Между тем именно так, т. е. в своем обычном, давно укоренившемся словоупотреблении, определяется демократия в многочисленных научных изданиях (впрочем, дефиниций этого понятия великое множество¹³). Приведем лишь некоторые примеры. В Новой философской энциклопедии (автор статьи — В. И. Шамшурин) указывается, что демократия — это «форма государственного устройства, при которой осуществляется народное правление большинства населения в интересах большинства и с помощью большинства»¹⁴. С. А. Авакьян полагает, что «демократия есть такой строй и такой образ жизни, когда народ сам управляет своими делами — и государственными, и общественными. Над ним никто не должен стоять, считая народ лишь объектом управления»¹⁵. С. Черняховский считает, что первой характеристикой демократии является власть большинства¹⁶. Подобных дефиниций можно привести великое множество.

Понимаемая и воспринимаемая многими исследователями, политическими и государственными деятелями таким образом, демократия, к их величайшему разочарованию, оказывается не чем иным, как фетишем или в лучшем случае утопией, к которой тем не менее следует стремиться, неким идеалом, представляющим собой, по выражению И. Канта, «максимум совершенства, недостижимого на практике, но служащего путеводной звездой». Заметим, что описанное выше понимание демократии не только ошибочно, но и опасно: оно таит в себе угрозу установления режима неограниченной, абсолютной вла-

¹⁰ Собственно говоря, аристократия дословно — это и есть власть лучших (от греческого *aristos* — лучший и *kratos* — власть).

¹¹ Один из «отцов-основателей» США Т. Джефферсон, как известно, признавал «естественную аристократию», основанную на таланте, трудолюбии и честности.

¹² Заметим, что в той или иной степени критическое отношение к демократии демонстрируют не только многие представители различных отраслей научного знания, но и люди искусства. Их взгляд для нас, конечно же, не менее ценен, ибо творческое осмысление действительности осуществляется отнюдь не только на рациональном уровне. В этой связи позволим себе привести рассуждения о демократии известного французского поэта второй половины XIX в. Артюра Рембо, которые, как нам кажется, во многом актуальны и сегодня: «Знамя ярче на грязи пейзажа, и наша брань заглушает барабанную дробь. В столицах у нас расцветает самый наглый разврат. Мы потопим в крови любой осмысленный бунт. Во влажные пряные страны! — на службу самым чудовищным военно-промышленным спрутам. До встречи тут или там. Мы добровольцы, и наши заповеди жестки, невежды в науке, в комфорте доки, грядущее пусть подождет. Пробил наш час. Вперед, шагом марш». [Рембо А. Поэтические произведения в стихах и прозе: Сборник. М.: Радуга, 1988. С. 289].

¹³ Видный австрийский и британский философ и социолог XX в. К. Р. Поппер утверждал, что существует более 200 подходов к определению демократии. (См.: Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. 1. С. 53). На сегодняшний день их, разумеется, гораздо больше. См. об этом также: Нисевич Ю. А. Что есть демократия? // Вопросы политологии. 2012. № 1 (5). С. 29–40.

¹⁴ Новая философская энциклопедия: В 4 т. Институт философии РАН, Национальный общественно-научный фонд. Научно-редакционный совет: председатель — В. С. Степин, заместители председателя: А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин, уч. секр. — А. П. Огурцов. М.: Мысль, 2000. Т. 1. С. 619.

¹⁵ Авакьян С. А. Конституционное право России. — 2-е изд., перераб. и доп. В 2 т. Т. 1. М.: Юристъ, 2006. С. 328–329.

Практически так же трактует демократию Н. М. Добрынин. (См.: Добрынин Н. М. Универсальный энциклопедический словарь для всех и каждого. Современная версия новейшей истории государства. Новосибирск: Наука, 2012. С. 120).

¹⁶ См.: Черняховский С. Романтика насилия. Ответ Александру Дугину, грезящему о пришествии диктатуры // Литературная газета. 2006. № 38 (6087). С. 3.

сти, жесткой, деспотической диктатуры узкой группы лиц или даже одного правителя, действующих от имени большинства или всего народа.

Нам же в данном случае гораздо ближе иная точка зрения, наиболее четко выраженная известным англо-германским социальным философом и политологом Р. Дарендорфом. «Вопреки буквальному значению слова, — пишет он, — действующая демократия не „правление народа“; такого на свете просто не бывает»¹⁷. Видный российский философ Б. Г. Капустин также утверждает, что «представительная демократия отнюдь не власть народа... Это ограниченное участие народа, власть политика»¹⁸. На самом деле демократия — это определенная технология обретения и осуществления государственной власти меньшинством с помощью большинства, с опорой на большинство, но далеко не всегда в интересах и во благо большинства. Демократия фактически означает, что к власти приходят те, кому в результате выборов (к тому же еще далеко не всегда честным, или, если выразиться точнее, законным образом организованных) удастся получить относительно большую по сравнению с конкурирующими с ними индивидами и группами поддержку населения. По удачному выражению Р. Хиггинса, демократия «сводится к периодическому праву выбора между хитроумными „имиджами“ близнецов»¹⁹.

На протяжении тысячелетий (в особенности в период новой и новейшей истории), и отнюдь не менее успешно (а зачастую гораздо изобретательнее, изощреннее и надежнее), чем монархия или аристократия, демократия обеспечивала существование, постоянное воспроизводство, если угодно, торжество величайшей, но, по нашему убеждению, вполне естественной и закономерной социальной несправедливости, т. е. правление меньшинства. Во всех без исключения, в том числе и самых демократических, странах власть принадлежит меньшинству. По справедливому замечанию выдающегося

немецкого социолога, философа, историка, экономиста М. Вебера (1864–1920), крупные решения в политике, и причем как раз в демократии, принимаются одиночками (Einzelnen)²⁰. Американский исследователь Г. Лассвел подчеркивает: «Разделение общества на элиту и массу универсально» и даже при демократии «немногие пользуются относительно большей долей власти, а большинство — сравнительно малой»²¹. Русский философ С. Л. Франк убежден: «Народ есть всегда, даже в самом демократическом государстве, исполнитель, орудие в руках какого-либо направляющего и вдохновляющего меньшинства»²². Известный итальянский политолог, один из основателей теории элит Г. Моска (1858–1941) придерживается аналогичной точки зрения. «Во всех обществах, — пишет он, — от крайне неразвитых и широко освоивших лишь зачаточные формы цивилизации и до самых передовых и могущественных — прослеживаются два класса людей — класс, который управляет, и класс, которым управляют. Первый класс, всегда малочисленный, исполняет политические функции, монополизирует власть и пользуется теми преимуществами, которые она дает, тогда как второй, многочисленный класс, направляется и контролируется первым таким способом, который иногда более или менее узаконен, а иногда более или менее произволен и насильственен»²³. В целом обоснованными представляются нам и рассуждения русского государственного деятеля XIX — начала XX столетия, ученого-правоведа, придерживавшегося консервативных воззрений, К. П. Победоносцева. В своем произведении «Великая ложь нашего времени» он пишет: «Испытывая в течение веков гнет самовластия в единоличном и олигархическом правлении и не замечая, что пороки единовластия суть пороки самого общества, которое живет под ним, — люди разума и науки возложили всю вину бедствия на своих властителей и на форму правления и представили себе, что с переменою этой формы на форму народовластия или представительного правления общество избавится от своих

¹⁷ Дарендорф Р. Дорога к свободе: демократизация и ее проблемы в Восточной Европе // Вопросы философии. 1990. № 9. С. 71.

¹⁸ Истоки и контуры демократии: «круглый стол» // Свободная мысль. 1992. № 10, июль. С. 11. Аналогичным образом высказывается и отечественный юрист и политолог В. В. Иванов: «Формулировки вроде „власть принадлежит народу“, „народ взял власть“, „нацию лишили власти“, если только они осознанно не используются в пропагандистских и иных подобных целях, бессодержательны и бессмысленны». [Иванов В. В. Теория государства. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. С. 2014].

¹⁹ Хиггинс Р. Седьмой враг. Человеческий фактор в глобальном кризисе. (Главы из книги) / Пер. В. Е. Ермолаевой и Д. Н. Ляликова. В книге: Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности; пер. с англ. и франц. Сост. Л. И. Василенко и В. Е. Ермолаева; ввводн. ст. Ю. А. Шрейдера. М.: Прогресс, 1990. С. 44.

²⁰ См.: Антология мировой правовой мысли: В 5 т. Т. III. Европа. Америка: XVII–XX вв. Национальный общественно-научный фонд. М.: Мысль, 1999. С. 635.

²¹ Цит. по: Дай Томас Р., Зиглер Хармон Л. Демократия для элиты. (Введение в американскую политику) / Пер. с англ. Под общ. ред. и с предисл. А. А. Мишина и В. А. Савельева. М.: Издательство «Юридическая литература», 1984. С. 33.

²² Цит. по: Борохов Э. Энциклопедия афоризмов: Россыпи мыслей. М.: АСТ, 2001. С. 308.

²³ Цит. по: Дай Томас Р., Зиглер Хармон Л. Демократия для элиты. (Введение в американскую политику) / Пер. с англ. Под общ. ред. и с предисл. А. А. Мишина и В. А. Савельева. М.: Издательство «Юридическая литература», 1984. С. 34–35.

бед и терпимого насилия. Что же вышло в результате? Вышло то, что все осталось в сущности по-прежнему, и люди, оставаясь при слабостях и пороках своей натуры, перенесли на новую форму все прежние свои привычки и склонности. Как прежде, правит ими личная воля и интерес привилегированных лиц; только эта личная воля осуществляется уже не в лице монарха, а в лице предводителя партии, и привилегированное положение принадлежит не родовым аристократам, а господствующему в парламенте и правлении большинству»²⁴. Ограничимся этими цитатами. Ведь читатель без труда найдет еще немало аналогичных высказываний авторитетных ученых, политических и общественных деятелей. Все они констатируют один бесспорный факт: миром правит меньшинство; и это касается всех сфер общественной жизнедеятельности, в том числе и тех, где есть иллюзия властвования большинства.

Таково положение вещей. Следует признать, что оно не есть результат воплощения чьей-то субъективной воли или случайного стечения обстоятельств. Напротив, оно объективно обусловлено. Правление немногих, меньшинства, осуществляемое в тех или иных формах, в интересах большинства или вопреки им, имманентно присуще всем государственно-организованным социумам, как и вообще всем социальным организациям, и представляет собой один из основополагающих законов их функционирования. В любом человеческом сообществе, вне зависимости от его численности, внутренней структуры, принципов деятельности и преследуемых целей, будь то государство, политическая партия, общественная ассоциация, корпорация, конфессиональное объединение, религиозная секта, семья, преступная группа, наконец, и т. д., с неизбежностью происходит узурпация власти. Последняя полностью или частично, постепенно или же, напротив, весьма стремительно, порою почти мгновенно, на законных основаниях либо произвольно, мирным путем или насильственным образом сосредотачивается в руках узкой группы лиц (а то и одного человека). В реальности именно так и никак иначе распределяются в социуме властные ресурсы. И страны, которые принято считать демократическими, в данном случае, разумеется, вовсе не являются исключением.

Причин того, что ситуация всегда и везде неумолимо развивается именно по такому сценарию, немало. Политологам, философам, социологам, юристам, психологам, историкам представителям других отраслей научного знания, по-видимому, еще только предстоит выне-

сти на суд научной общественности их исчерпывающий перечень²⁵.

Итак, при демократии государственная власть принадлежит меньшинству. Драматизм ситуации заключается, однако, в другом. И в этом, пожалуй, и состоит первый основной изъян демократии. Она отнюдь не гарантирует того, что бразды правления непременно попадут в руки наиболее достойных представителей нации. Вспомним в этой связи несколько суждений французского историка, литератора и государственного деятеля XIX в. А. де Токвиля, с кем мы здесь полностью солидарны. В своем фундаментальном политико-философском трактате «Демократия в Америке» он, в частности, отмечает, что «демократии всегда не хватает способности выбрать достойных людей, ей не хватает желания и склонности к этому». «Природа демократии такова, — продолжает далее автор, — что она заставляет народные массы не подпускать выдающихся людей к власти, а эти последние, движимые не менее сильным природным чувством, бегут от политической карьеры, где трудно оставаться самим собой и идти по жизни не оскверняясь». «Для меня совершенно ясно, — заключает А. де Токвиль, — что те, кто рассматривает всеобщее избирательное право как гарантию хорошего выбора, сильно заблуждаются. У всеобщего избирательного права есть другие преимущества, но только не это»²⁶.

Разумеется, и в наше время ученые отмечают этот, по-видимому, наиболее существенный порок демократии. Так, по мнению видного теоретика права, члена-корреспондента Российской академии наук Г. В. Мальцев, практика проводимых президентских, парламентских и региональных выборов свидетельствует о том, что демократия не способна призвать к государственному правлению людей способных и честных²⁷.

²⁵ Некоторые причины этого феномена сформулированы нами в главе 3 «О причинах властвования меньшинства в государственно-организованном социуме» монографии «Государственная организация общественной жизнедеятельности: вопросы теории». (См.: Керимов А. Д. Государственная организация общественной жизнедеятельности: вопросы теории. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. С. 79–94).

²⁶ Токвиль А. де. Демократия в Америке / Пер. с франц. М.: Издательство «Весь Мир», 2000. С. 161, 162.

²⁷ См.: Мальцев Г. В. Культурные традиции права. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. С. 599. Такой же точки зрения придерживаются и многие современные отечественные юристы и политологи. В качестве примера приведем высказывание В. И. Осейчука. «По идее, — пишет он, — выбор народа в ходе избирательных кампаний должен бы падать на самого разумного и способного, а в действительности он падает на того, кого толкает меньшинство». [Осейчук В. И. Народ России как субъект строительства демократического правового социального государства. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2007. С. 116].

²⁴ Антология мировой правовой мысли: В 5 т. Т. V. Россия: конец XIX — XX в. Национальный общественно-научный фонд. М.: Мысль, 1999. С. 35.

Окидывая мысленным взором историю человечества, осмелится ли кто-нибудь утверждать, что республики всегда процветают и благоденствуют, ибо их граждане, проживая безмятежно в довольствии и счастье, обладают значительной степенью свободы и реально участвуют в управлении государственными делами, в то время как монархии (или аристократические режимы) загнивают, а их подданные в существенной мере ущемлены в правах, лишены каких бы то ни было возможностей политического самовыражения и самоутверждения? Есть ли в действительности достаточно оснований полагать, что при демократиях государственное властвование в гораздо большей мере, чем при монархиях и аристократиях, зиждется на справедливых и разумных законах, прочных моральных устоях и принципах? Или же кто-либо, не погрешив при этом против истины, сможет заявить, что избираемые населением лидеры — например, президенты и парламентарии — во всех случаях оказываются гораздо более знающими, умелыми и мудрыми, порядочными, совестливыми и ответственными руководителями, чем короли, князья, бароны, герцоги, маркизы и другие, власть к которым переходит по наследству? Удивительно, но человечеству понадобилось совсем немного времени, чтобы убедиться, что «новые» власть имущие ни с точки зрения уровня интеллектуального развития, ни с точки зрения нравственных качеств ничуть не выше прежних. Парадоксально, но факт. Кажется бы, люди, будучи существами разумными и, безусловно, желающими себе исключительно блага, в состоянии обеспечить вхождение (путем выборов и иных демократических процедур) во властные структуры тех, кто наилучшим образом, т. е. наиболее профессионально, рационально и справедливо сможет руководить государственно-организованным социумом. Но этого, к сожалению, не происходит. Зато зачастую происходит обратное. Посему монархия и аристократия нередко оказываются здесь в выигрышном положении по сравнению с демократией. Это, в частности, объясняется тем, что монархия, по удачному выражению Г. В. Мальцева, «изымает высшую власть в государстве из числа предметов домогательства со стороны одержимых властолюбием авантюристов»²⁸.

Здесь, однако, мы вынуждены прервать свои рассуждения одним весьма существенным замечанием, с тем чтобы не быть превратно понятыми. Сказанное не означает, что мы являемся сторонниками монархической или аристократической формы государственного устройства. Они, утверждая вопиющее юридическое нера-

венство, по самой своей сути чужды принципам социальной справедливости. Уместно в этой связи вспомнить слова одного из основателей и руководителей германской Социал-демократической партии и II Интернационала А. Бебеля: «Не может быть оправдано никакое неравенство, кроме того, которое создано природой в виде различия между отдельными людьми»²⁹. На наш взгляд, данное суждение страдает чрезмерным радикализмом. Но даже если согласиться с позицией А. Бебеля, то следует заметить, что и демократия, формально уравнивая граждан с точки зрения возможностей их участия в политическом процессе, вовсе не обеспечивает их реального равенства и, следовательно, также попирает принципы социальной справедливости.

Итак, демократия сама по себе вовсе не гарантирует, что во власти оказываются лучшие люди страны, наиболее достойные представители нации. Нередко, как свидетельствует всемирно-историческая практика, случается обратное. Трудно поэтому не согласиться с изречением известного американского консервативного деятеля, историка, политолога и культуролога Р. Кирка, заявившего: «Я не верю, что глас народа есть глас Божий. И я не верю, что какая-либо идеология, даже идеология, обожествляемая под именем Демократии, способна сделать людей счастливыми»³⁰. В самом деле, может ли народ (понимаемый в данном случае как большинство населения страны) заблуждаться или заниматься самообманом³¹, быть жестоким и несправедливым, равнодушным и легковверным? Иными словами, присущи ли народу все или почти все те пороки, которые свойственны отдельным индивидам? Разумеется, да, хотя бы потому, что народ состоит из индивидов³². Достаточно вспомнить в этой связи фашистскую

²⁹ Афоризмы: По иностранным источникам // Сост. П. П. Петров, Я. В. Берлин. Предисл. Н. М. Грибачева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Прогресс, 1985. С. 45.

³⁰ Кирк Р. Какая форма правления является наилучшей для человека? (Лекция, прочитанная Р. Кирком в Университете Оклахомы 25 апреля 1956 г.) // Полис: политические исследования. 2001. № 3. С. 141. Кстати, выражение «глас народа — глас Божий» (*vox populi — vox Dei*) известно с незапамятных времен, ибо восходит к дидактической поэме «Труды и дни» древнегреческого писателя Гесиода (конец VIII или начало VII века до нашей эры). (См.: Овруцкий Н. О. Крылатые латинские изречения в литературе. Киев: Наукова думка, 1964. С. 210).

³¹ «Люди всегда стремятся к общему благу, — писал еще Ж. Ж. Руссо, — но не всегда видят, в чем оно». [Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре. М., 1988. С. 219].

³² Мы в данном случае полностью солидарны с М. Н. Марченко, полагающим, что в «любой нации и народе можно найти и сильную непоколебимую волю (к победе, свободе и т. п.), и безволие; и свободолюбие, и раболепие; и ярко выраженную целеустремленность, и целевую неопределенность; и перемешанный с цинизмом эгоизм, и бескорыстный альтруизм». [Марченко М. Н. Проблемы теории государства и права. М., 2001. С. 209].

²⁸ Мальцев Г. В. Культурные традиции права. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. С. 599.

Германию. Впрочем, подобных примеров множество. Все они подтверждают одну простую истину: население может поддерживать, притом чрезвычайно активно, даже самых чудовищных и бесчеловечных властителей.

Однако если пойти дальше и продолжить размышления в заданном направлении, то перед нами с неизбежностью встанет целая череда по сути своей однопорядковых, но при этом весьма непростых вопросов. Какие начала, здоровые или нездоровые, естественные или извращенные, преобладают в народе? Какие силы, светлые или темные, в первую очередь движут его мыслями и поступками, определяя тем самым его природу, его существо? Какие мотивы и установки, нравственные или безнравственные, высокие или низкие, превалируют в сознании народа, руководят его действиями? Чем он главным образом увлечен: могущественным стремлением к духовному самоусовершенствованию или неумным, разнузданно-гедонистическим желанием удовлетворения плотских потребностей? Чего, выражаясь бытовым языком, в нем больше, хорошего или дурного? В какой мере, наконец, он добродетелен, а в какой порочен?

Применительно к отдельной личности ответить на подобного рода вопросы более или менее однозначно, как правило, возможно, хотя и не всегда просто. Когда же речь идет о целом народе, сделать это гораздо сложнее. И все же нетрудно заметить, что означенная проблема нашла свое достаточно определенное теоретическое разрешение. Можно констатировать, что за последние столетия как в научном, так и в общественном сознании по преимуществу утвердилась почти полная и безоговорочная вера в народ, в его разум и добродетели. Об этом свидетельствуют не только многочисленные и, заметим, находящие широкое одобрение высказывания выдающихся писателей, ученых, политических деятелей: «Вглядитесь в глубины народные, и вы увидите истину», «Бывают бандитские правительства, но не может быть бандитского народа» (В. М. Гюго); «Народ — средоточие мира, сердце человеческого рода» (Ж. Б. А. Лакордер); «Отдельные личности могут морально разложиться, народ — никогда» (Ю. Фучик); «Народ может не видеть, но он всегда чувствует» (Д. Харрингтон) и т. п.³³ Об этом свидетельствует главным образом то, что демократическая идеология в современном цивилизованном мире фактически является господствующей, что в трудах большинства крупнейших мыслителей прошлого и наших дней отстаивается, а в конституциях многих

стран мира так или иначе закрепляется принцип народного суверенитета. В качестве примера приведем лишь несколько соответствующих конституционных положений. Статья 3 (часть 1) Конституции России гласит: «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ». В статье 20 (часть 2) Основного закона ФРГ говорится: «Вся государственная власть исходит от народа. Она осуществляется народом путем выборов и голосования и через посредство специальных органов законодательства, исполнительной власти и правосудия». В соответствии со статьей 1 (часть 2) конституции Испании национальный суверенитет принадлежит испанскому народу, от которого исходят полномочия государства. Согласно статье 1 (абзац 2) конституции Италии суверенитет принадлежит народу, который осуществляет его в формах и границах, установленных конституцией. Статья 3 (абзац 1) конституции Франции провозглашает: «Национальный суверенитет принадлежит народу, который осуществляет его через своих представителей и посредством референдума». Статья 1 конституции Японии устанавливает, что статус императора, являющегося символом государства и единства народа, определяется волей народа, которому принадлежит суверенная власть.

Между тем нельзя не видеть того, что отнюдь не все ученые придерживаются подобной точки зрения. Так, например, А. Шопенгауэр, критикуя Ж. Ж. Руссо, высказывает явное неверие в добродетельность всего человеческого рода. Великий пессимист XIX века, в частности, пишет: «Вообще, основная черта и первооснова всей философии Руссо заключается в том, что вместо христианского учения о первородном грехе и изначальной испорченности человеческого рода он выставил принцип изначальной доброты последнего и его безграничной способности к совершенствованию, которая будто бы сбилась с пути только под влиянием цивилизации и ее плодов; на этом и основывает Руссо свой оптимизм и гуманизм»³⁴. По мнению М. Горького, всякий народ есть стихия анархическая, ибо он «хочет как можно больше есть и возможно меньше работать, хочет иметь все права и не иметь никаких обязанностей»³⁵. Также откровенно негативную характеристику народа мы находим у швейцарского писателя позапрошлого столетия Р. Вальзера. Он, в частности, замечает: «Народ любит, чтобы ему угождали, чтобы с ним были то по отечески ласковы, то строги. Так его можно расположить даже к войнам»³⁶.

³³ Афоризмы: По иностранным источникам // Сост. П. П. Петров, Я. В. Берлин. Предисл. Н. М. Грибачева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Прогресс, 1985. С. 18–19.

³⁴ Шопенгауэр А. Под завесой истины: Сборник произведений. Симферополь: Реноме, 1998. С. 65.

³⁵ Цит. по: Борохов Э. Энциклопедия афоризмов: Россыпи мыслей. М.: АСТ, 2001. С. 307.

³⁶ Там же. С. 306.

Мы, конечно же, вовсе не претендуем на то, чтобы предложить в настоящей работе окончательное решение сложнейшей философской проблемы соотношения возвышенных и низменных, духовных и бездуховных, добродетельных и порочных начал в том или ином народе, человечестве в целом, а ограничиваемся лишь констатацией важности ее постановки, а также бесспорным, на наш взгляд, утверждением: народ (как и отдельная личность) вовсе не застрахован и от необдуманных действий, и от неверного выбора. Народ, как показывает практика, нередко обеспечивает приход к власти людей недостойных. Власть же, как известно, развращает даже сильные и высоконравственные натуры. Что уж говорить о людях изначально испорченных и непорядочных. Последние, получив в свои руки бразды правления, со временем превращаются в настоящих монстров и тем не менее зачастую продолжают пользоваться доверием и поддержкой широких народных масс.

Так происходит не только потому, что массы эти обнаруживают в таких случаях свои далеко не лучшие качества, демонстрируют полное равнодушие и беспринципность, закрывая глаза на преступные деяния властвующей элиты, если они не затрагивают их обывательских интересов. Есть и другая, часто наблюдаемая в истории причина лояльности народа по отношению к преступной правящей клике. Она достаточно прозаична: сознанием народа можно легко манипулировать. Ведь зачастую он руководствуется не здравым смыслом, не твердым, основанным на достоверной информации и истинном знании убеждением, а, по сути, иррациональными иллюзиями, неосознанными инстинктами и секундными побуждениями.

Манипулирование сознанием народа успешно осуществляют средства массовой информации, находящиеся в руках тех же правителей. «Люди, как правило, — справедливо отмечает С. Г. Климова, — составляют мнение не о самом политике, а о его образе, предлагаемом СМИ»³⁷. Американский ученый Г. Шиллер подчеркивает: «Заправилы средствами массовой информации Америки создают, обрабатывают, ловко оперируют и полностью контролируют распространение информации, которая определяет наши представления, установки, а в конечном счете и наше поведение»³⁸. Такая ситуация характерна для всех развитых стран³⁹. Выдающийся

итальянский философ, историк и политолог Н. Боббио приходит к абсолютно верному выводу о том, что засилье телевидения привело к удручающей инверсии в отношениях между контролирующими и контролируемым: сегодня узкий круг избранных контролирует массы избирателей, а вовсе не наоборот⁴⁰. В результате установился режим, который, по мнению Д. Дзоло, с полным на то основанием можно назвать «постдемократической телеолигархией, где подавляющее большинство граждан не выбирает и не избирает, а остается в неведении и подчиняется»⁴¹.

Таким образом, народ вовсе не гарантирован от ошибок при выборе своих вождей. В более общем плане можно с уверенностью сказать, что народ вообще не застрахован от неправильных решений. Иными словами, принятие решений демократическим способом, т. е. на основании воли большинства (или даже единогласного волеизъявления всех), не обеспечивает автоматически их правильность и справедливость.

Окончание в следующем номере

Список литературы

1. Авакьян С. А. Конституционное право России. — 2-е изд., перераб. и доп. В 2 т. М.: Юристъ, 2006. Т. 1. 719 с.
2. Антология мировой правовой мысли: В 5 т. Т. III. Европа. Америка: XVII–XX вв. Национальный общественно-научный фонд. М.: Мысль, 1999. 830 с.
3. Афоризмы: По иностранным источникам // Сост. П. П. Петров, Я. В. Берлин. Предисл. Н. М. Грибачева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Прогресс, 1985. 480 с.
4. Борохов Э. Энциклопедия афоризмов: Россыпи мыслей. М.: АСТ, 2001. 720 с.
5. Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности / Пер. с англ. и франц. Сост. Л. И. Василенко и В. Е. Ермолаева; введн. ст. Ю. А. Шрейдера. М.: Прогресс, 1990. 495 с.
6. Дай Томас Р., Зиглер Хармон Л. Демократия для элиты. (Введение в американскую политику) / Пер. с англ. Под общ. ред. и с предисл. А. А. Мишина и В. А. Савельева. М.: Издательство «Юридическая литература», 1984. 320 с.
7. Дарендорф Р. Дорога к свободе: демократизация и ее проблемы в Восточной Европе // Вопросы философии. 1990. № 9.
8. Дзоло Д. Демократия и сложность: реалистический подход / Пер. с англ. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. 318 с.
9. Дзоло Д. Демократия и сложность: реалистический подход / Пер. с англ. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. 320 с.

³⁷ Оценка личностных качеств российских политических лидеров: проблемы измерения и интерпретации. Круглый стол // Полис: политические исследования. 2001. № 1. С. 97.

³⁸ Шиллер Г. Манипуляторы сознанием / Пер. с англ. Научный редактор — Я. Н. Засурский. М.: Мысль, 1980. С. 19.

³⁹ Об огромной роли СМИ в современном обществе см., в частности: Добренков В. И., Кравченко А. И. Социоло-

гия: В 3 т. Т. 3: Социальные институты и процессы. М.: ИНФРА-М, 2000. С. 429–437; Шахрай С. М. Государство и глобализация: методологические и политико-правовые проблемы. М.: МГИМО (У) МИД России, 2002. С. 186–216.

⁴⁰ См.: Bobbio N. *Lutopia capovolta*. Torino: La Stampa, 1990. P. XV.

⁴¹ Дзоло Д. Демократия и сложность: реалистический подход / Пер. с англ. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. С. 12.

10. Добренков В. И., Кравченко А. И. Социология: В 3 т. Т. 3: Социальные институты и процессы. М.: ИНФРА-М, 2000. 292 с.
11. Добрынин Н. М. Универсальный энциклопедический словарь для всех и каждого. Современная версия новейшей истории государства. Новосибирск: Наука, 2012. 606 с.
12. Иванов В. В. Теория государства. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. 288 с.
13. Истоки и контуры демократии: «круглый стол» // Свободная мысль. 1992. № 10.
14. Керимов А. Д. Государственная организация общественной жизнедеятельности: вопросы теории. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. 192 с.
15. Кирк Р. Какая форма правления является наилучшей для человека? (Лекция, прочитанная Р. Кирком в Университете Оклахомы 25 апреля 1956 г.) // Полис: политические исследования. 2001. № 3.
16. Крастев И. Управление недоверием. М.: Издательство «Европа», 2014. 128 с.
17. Лэш К. Восстание элит и предательство демократии / Пер. с англ. М.: Логос, Прогресс, 2002. 224 с.
18. Мальцев Г. В. Культурные традиции права. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. 608 с.
19. Марченко М. Н. Проблемы теории государства и права. М., 2001. 656 с.
20. Махнач В. Поиск земного совершенства // Независимая газета. 23.11.2000. С. 8.
21. Нисевич Ю. А. Что есть демократия? // Вопросы политологии. 2012. № 1 (5).
22. Новая философская энциклопедия: В 4 т. Институт философии РАН, Национальный общественно-научный фонд. Научно-редакционный совет: председатель — В. С. Степин, заместители председателя: А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин, уч. секр. — А. П. Огурцов. М.: Мысль, 2000. Т. 1. 744 с.
23. Новгородцев П. И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. М.: Наука, 1996. 269 с.
24. Ставцева О. И. Диалог культур на фоне мультикультурализма // Философия и культура. 2012. № 9. С. 173–179.
25. Осейчук В. И. Народ России как субъект строительства демократического правового социального государства. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2007. 223 с.
26. Оценка личностных качеств российских политических лидеров: проблемы измерения и интерпретации. Круглый стол // Полис: политические исследования. 2001. № 1.
27. Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. 1. 448 с.
28. Рембо А. Поэтические произведения в стихах и прозе: Сборник. М.: Радуга, 1988. 545 с.
29. Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре. М., 1988. 416 с.
30. Скоробогатов А. В., Краснов А. В. Правовая реальность России: философско-правовой анализ // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 1 (2). С. 79–85.
31. Токвиль А. де. Демократия в Америке / Пер. с франц. М.: Издательство «Весь Мир», 2000. 554 с.
32. Черняховский С. Романтика насилия. Ответ Александру Дугину, грезящему о пришествии диктатуры // Литературная газета. 2006. № 38 (6087).
33. Чиркин В. Е. Какая форма правления существует в современной России? // Российский журнал правовых исследований. 2014. № 4 (1). С. 32–40.
34. Шахрай С. М. Государство и глобализация: методологические и политико-правовые проблемы. М.: МГИМО (У) МИД России, 2002. 261 с.
35. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием / Пер. с англ. Научный редактор — Я. Н. Засурский. М.: Мысль, 1980. 325 с.
36. Шопенгауэр А. Под завесой истины: Сборник произведений. Симферополь: Реноме, 1998. 496 с.
37. Bobbio N. L'utopia capovolta. Torino: La Stampa, 1990. P. XV.

Theory and practice of democracy

Kerimov A. D.,

Doctor of Law, Professor,

Professor Constitutional Law Chair

them. M. M. Speranskii Russian Academy of National

Economy and Public Administration under the President

The Russian Federation, Member of the Public Scientific

Methodological Consultative Council under the CEC of Russia

e-mail: 8017498@mail.ru

Annotation. In this paper, the author does not seek to idealize democracy, considering it solely through the prism of its inherent qualities, advantages and benefits. On the contrary, it aims to reveal the vices and defects, immanent and inherent in the democratic process for a priori formation, organization and functioning of the government and the respective ideology. In the final part of the article outlines some of the possible ways and forms to overcome identified shortcomings.

Keywords: democracy, liberalism, capitalism, free market, the ruling elite, the management, the ideology, the aristocracy, meritocracy and intellectuals.

References

1. Avakyan SA Constitutional law of Russia. 2nd edition, revised and enlarged. In 2 t. T. 1. M.: Jurist, 2006. 719 pp.
2. Anthology of world legal thought. In 5 volumes. Volume III. Europe. America: XVII — XX centuries. The national social science fund. M.: Thought, 1999. 830 pp.
3. Aphorisms: According to foreign sources. Drawing P.P.Petrova, Ya.V.Berlina. Preface N.M.Gribacheva. 3rd edition revised, enlarged. M.: Progress, 1985, 480 p.
4. Borochov E. Encyclopedia of aphorisms: Placers thoughts. M.: AST, 2001. 720 pp.
5. Global challenges and universal values: Trans. from English. and French. Compiled L.I.Vasilenko and V.E.Ermolaevoy; Introductory. Art. Yu.A.Shreydera. M.: Progress, 1990. 495 p.
6. Give Thomas R., L. Harmon Zeigler democracy for the elite. (Introduction to American politics). Translated from English. Edited and with an introduction by AA Mishin and VA Saveliev. M.: Publishing House «Legal Literature», 1984. 320 pp.
7. Dahrendorf R. The Road to Freedom: Democratization and its problems in Eastern Europe // Problems of Philosophy. 1990. № 9.
8. D. Zolo Democracy and complexity: a realistic approach. Trans. from English. M.: State House. Univ — Higher School of Economics, 2010. 318 pp.
9. D. Zolo Democracy and complexity: a realistic approach. Trans. from English. M.: State House. Univ — Higher School of Economics, 2010. 320C.
10. Dobrenkov VI, Kravchenko AI Sociology: In 3 vol. T. 3: Social institutions and processes. M.: INFRA-M, 2000. 292 pp.
11. Dobrynin NM Universal Encyclopedic Dictionary for everyone. The modern version of the modern history of the state. Nauka, 2012. 606 pp.
12. VV Ivanov The theory of the state. M.: State House. Univ — Higher School of Economics, 2010. 288 pp.
13. The origins and contours of democracy: «roundtable» // Free Thought. 1992. № 10.
14. Kerimov AD The state organization of social life: questions of the theory. Norma M.: INFRA-M, 2014. 192 pp.
15. Kirk R. What form of government is the best for a person? (Lecture R. Kirk the University of Oklahoma April 25, 1956) // Polis: political studies. 2001, № 3.
16. Ivan Krastev Managing distrust. M.: Publishing House «Europe», 2014. 128 pp.
17. K. Lash Rebellion elites and betrayal of democracy. Trans. from English. M.: «Logos», «Progress», 2002. 224 pp.
18. GV Maltsev The cultural traditions of law. Norma M.: INFRA-M, 2013. 608 pp.
19. Marchenko MN Problems of the theory of state and law. Moscow, 2001. 656 pp.
20. V. Makhnach search earthly perfection. Nezavisimaya Gazeta. 23.11.2000. C. 8.
21. YA Nisevich What is democracy? // Questions of Political Science. Number 1 (5) in 2012.
22. The New Encyclopedia of Philosophy. The four volumes. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, the National Science Foundation socially. Scientific Editorial Board: Chairman — V.S.Stepin, vice-chairmen: Abdusalam Gusseinov, G.Yu.Semigin, uch. secretarial. — A.P.Ogurtsov. M.: Thought, 2000. Volume 1. 744 p.
23. novgorodians PI Introduction to the philosophy of law. The crisis of the modern sense of justice. M.: Nauka. 1996. 269 p.
24. OI Stavtseva. Cultural Dialogue on the background of multiculturalism. // Philosophy and culture. — 2012. — № 9. — Pp. 173–179.
25. Oseychuk VI The people of Russia as a subject of social construction of a democratic legal state. Tyumen. Publisher Tyumen State University. 2007. 223 p.
26. Assessment of personal qualities of Russian political leaders: the problem of measurement and interpretation. Round Table // Polis: political studies. 2001, № 1.
27. Popper The Open Society and Its Enemies. M., 1992. T. 1. 448.
28. A. Rimbaud's poetic works in verse and prose: Collection. M.: Rainbow, 1988. 545 pp.
29. JJ Rousseau The Social Contract. Moscow, 1988. 416 pp.
30. Skorobogatov AV, AV Krasnov Russian legal reality: philosophical and legal analysis. // Russian Journal of Legal Studies. 2015. № 1 (2). S. 79-85.
31. A. de Tocqueville. Democracy in America. Translated from the French. M.: Publisher «All The World», 2000. 554 pp.
32. S. Chernyakhovsky Romance violence. The answer to Alexander Dugin, dreaming of the coming dictatorship // Literary newspaper. 2006. № 38 (6087)
33. Chirkin VE What form of government exists in Russia today? // Russian Journal of Legal Studies. 2014. № 4 (1). Pp. 32–40.
34. SM Shahray The state and globalization: methodological, political and legal problems. M.: (University) of the MFA of Russia, 2002. 261 pp.
35. G. Schiller Manipulators consciousness. Translated from English. Scientific editor — Ya.N.Zasulsky. M.: Publisher «Thought», 1980. 325 pp.
36. Schopenhauer A. Under the veil of truth: Collected Works. Simferopol «Renome», 1998. 496 pp.
37. Bobbio N. L'utopia capovolta. Torino: La Stampa, 1990. P. XV.